

РУССКИЙ СОЛОВЕЙ

Поет Иван Семенович Козловский! Чарующий голос замечательного певца, талант артиста и режиссера принесли русскому соловью признание и любовь советских людей, мировую славу.

Анна Сергеевна Кузнецова, певица Большого театра СССР, написала повесть «Максим из Кольцовки» о народном артисте СССР М. Д. Михайлове. Эта книга, положившая начало литературной биографии Анны Кузнецовой, тепло встречена читателями и прессой.

Сейчас Анна Кузнецова пишет книгу о Иване Семеновиче Козловском.

Вот что она рассказала корреспонденту «Кавказской здравницы»:

— В первой части книги, которая будет печататься в журнале «Москвита» в новом году, я пишу о том, как пробуждался в крестьянском мальчишке его необычайный талант. Я говорю о первых впечатлениях Вани Козловского от спектаклей с участием великих музыкантов и актеров — Лысенко, Заньковецкой, Саксаганского, Карпенко-Карого и других, о первых самостоятельных шагах и приобщении к театру пятнадцатилетнего Ивана Козловского. К этому же времени относится и приглашение его солистом в хор под управлением известного музыканта Кошица. Я рассказываю в первой части книги о вступлении Козловского в Красную Армию, его участии в боевых походах, руководстве красноармейцем Козловским художественной самодеятельностью в своей части. Одна из глав первой части книги рассказывает об ответственной замене в спектакле «Риголетто» знаменитого гастролера красноармейцем Иваном Козловским.

Отрывок из этой главы публикуется ниже.

1923 год. Руководители Полтавской любительской оперы решили подкрепить группу артистами-профессионалами, расширить круг идущих опер.

И вот в Киев поехал уполномоченный коллектива артист Поливанов. Он пригласил в Полтаву главным режиссером формируемой профессиональной оперы Эмиля Юсифовича Юнгвальд-Хилькевича*) — молодого режиссера, заинтересованного в самостоятельной работе. Он без колебаний дал свое согласие. Группа нужных певцов тоже довольно быстро была подобрана, и только с премьерой-тенором положение несколько осложнялось. Поливанов к тому же обязательно хотел заполучить известного тенора и вел длинные «дипломатические» переговоры с популярным в ту пору в Киеве артистом Исаковым.

Надо сказать, что работа в Полтавской опере была не очень заманчивой: театр существовал «на выручку», труппа была бедная, заработная плата актеров низкая. Выручка кассы делилась по «марочной системе» — от одной до четырех марок, с учетом занятости актеров и их «положения». Но

никого это не смущало! Разве в годы становления Советской власти оперные певцы не репетировали в сугубых, питаясь хлебом и морковным чаем? Все равно наступал вечер, вспыхивали софиты, и со сцены неслось: «Любви все возрасты покорны...» или «Милая Аида...». И зрители, сидящие в зале в валенках и шубах, забывали, что обнаженной темнокожей Аиде приходится выступать при нулевой температуре.

От бывших в Полтаве киевских артистов Юнгвальд-Хилькевич слышал, что там есть молодой, очень приятный тенор — красноармеец Козловский, рассказывали, что он руководит художественной самодеятельностью в части, в свободное время поет в любительской опере. В связи с затяжкой переговоров с Исаковым режиссер напомнил о нем Поливанову, но тот сказал:

— «Уси горобци чирікають у Полтаві про Козловського, його там уси знають, своїх ми не беремо! Нам потрібні тенор з Києва!»

Он перечислял оперы, которые в Полтаве хотят ставить: «Риголетто», «Вертер», «Севильский цирюльник».

— Популярни і спивни, — говорил Поливанов.

Он закрывал глаза и, стараясь изобразить Исакова, напевал: «Сердце красавицы склонно к измене...». И вдруг своим громким басом заявлял: «Во ще треба полтавської публіки!»

Наконец, Исаков согласился на две с половиной марки, и в тот же день артистов и режиссера Поливанов увез в Полтаву.

Оперный театр в Полтаве разместили в приспособленном для него музыкальном училище. С приездом киевских артистов стали готовить оперу «Риголетто». Работали дружно, и вскоре был назначен день премьеры. Билеты на спектакль брались с боя. Волновались все: артисты и зрители. Артисты хора, миманса, все торжественно: ведь рядом с ними выступает приезжий знаменитый тенор! Только у самого тенора лицо было пасмурным. Перед началом он вышел на сцену, посмотрел в дырочку занавеса и пробурчал:

— Вот это сбор! А вы со мной торговались!

В нетопленном помещении стало жарко. С билетными прорвались и «зайцы» — молодежь, не сумевшая раздобыть билетов. Зал ломился от публики. Спектакль шел с большим настроением. Акт за актом нарастал успех. И вдруг во втором антракте что-то надорвалось, не на сцене, а за кулисами. С испуганным лицом пробежала костюмерша. В комнату Исакова успешно прошел Поливанов в гриме Спарофутчилле и представитель оркестра. На несомые аплодисменты Исаков больше не выходил. Наконец, к режиссеру подбежал помощник.

— Беда, — зашептал он так громко, что вокруг них стали собираться люди. — Исаков не хочет продолжать спектакль, требует четыре марки, но в коллективе принципиально не хотят дать их под таким нажимом, ведь он же актер! К тому же знает, что все остальные играют почти даром!

Режиссер был согласен с коллективом, но публика? Она-то тут при чем!

Часы показывали, что скоро ко-

нец антракта. В зале слышалось уже движение публики, возвратившейся из фойе на свои места. Незаметно, собираясь по одному, режиссера окружили артисты хора, балета.

— Козловского! Просите Козловского, — раздавалось со всех сторон.

Это был единственный выход. Позвали Поливанова, он даже не сразу понял, что говорил ему режиссер. Наконец, сообразив, рванул себя за бороду.

— Не! Замість Исакова іскать Козловського! Що, ви з глузду з'їхали? Я его уговорю, — и он, не обращая ни на кого внимания, бросился в комнату герцога.

Но тот не сдался. Не сдался и обиженный коллектив.

Режиссер вместе с представителем оркестра решили ехать к Козловскому. Узнали адрес. Он жил на окраине города, на Панянке, но Полтава — не Москва, и расстояние не тревожило, тревожило другое — публика. Неизвестно как, но беспокойство перелилось и в зрительный зал, и хотя до начала оставалось еще некоторое время, послышались аплодисменты — требование начинать.

Со сцены выход был только один — в зрительный зал. «Делегаты», подняв воротники и пряча головы, спустились с боковых ступенек в зал. Публика, конечно, узнала их и зашумела, раздали аплодисменты, крики, топот ног...

Выскочив на улицу, режиссер и музыкант очутились под проливным дождем. Туман окутал их со всех сторон. Ничего не видя, наугад пробежали полквартала и на углу наткнулись на извозчика. Буквально упали в его огромный нескладный фаятон, и что есть духу режиссер крикнул: «На Панянку!» Ехали быстро, но, казалось, очень долго. Наконец, извозчик остановился возле нужного домика. После настойчивого сту-

ка дверь отворила маленькая старушка — тетка Козловского. К счастью, он сам тоже оказался дома. К приехавшим вышел высокий, стройный юноша в красноармейском обмундировании. Сразу, без лишних слов и объяснений, стали просить заменить в спектакле Исакова.

— Заменить самого Исакова? Ведь это же артист из Киева. Он что же, внезапно заболел? — с участием спросил Козловский.

И почему-то, глядя в его голубые, ясные глаза, трудно было сказать правду. Осенила мысль, которая, пожалуй, и сыграла решающую роль.

— Публика, публика ждет, — промолвил режиссер, — она ни в чем не виновата!

Козловский более ни о чем не спрашивал, быстро оделся и все, уже втроем, шагнул в туманную мглу.

Едва прибывшие вошли на сцену, их окружили «придворные», «цыгане», оркестранты, технический персонал, все заранее благодарили Козловского. Сбросив пальто, он заявил:

— Прежде всего я должен поговорить с Исаковым. Не сделав этого, я не могу петь. — и, не теряя времени, сразу же направился в гримеровальную комнату герцога.

Когда молодой певец вошел к «киевской знаменитости», тот сидел перед трюльжем в костюме герцога, но уже без парика. Подоздоровавшись, Козловский назвал себя и спросил, не будет ли он возражать, если по просьбе коллектива он заменит его в спектакле.

— Это дело ваше, если у вас хватит смелости выступать вместо меня!

Молодой певец вышел из комнаты.

— Теперь я буду петь, — сказал он твердо.

Новый герцог быстро загримировался, но когда пошли за костюмом к прежнему, тот сказал:

— Костюма я не сниму, пусть поет в чем хочет!

На выручку подоспел старый костюмер.

— Можно воспользоваться костюмом Валентина из оперы «Фауст» — трико, колет такие же, ботфорты тоже, только другого цвета...

Костюм Валентина? Это был выход из положения.

Но следовало, наконец, успокоить публику. За занавес вышел помощник режиссера и объявил, что спектакль, прерванный по вине артиста Исакова, будет продолжен и что в роли герцога выступит Иван Семенович Козловский. Раздались овации, какие редко доводится слышать. Вся публика хором кричала: «Просим! Просим!»...

— Ну, ни пуха, ни пера, — уже в кулисе успел шепнуть Козловскому режиссер.

Занавес медленно пополз.

Режиссера, конечно, волновало, что молодой артист не репетировал с оркестром и даже не знает мизансцен, но он запел — и все было забыто! Голос, как весенняя звонкая капель, чистая, ни с чем несравнимая! И как актер он был соизучен с партнерами, и в действиях, и в певческом ансамбле делал все правильно, не потому что ему это показал режиссер, а движимый своим внутренним чутьем правды и обостренным сценическим действием.

Публика была в восторге. Достаточно сказать, что песенку герцога он повторил семь раз! И каждый раз с почти неуловимой новью.

А. КУЗНЕЦОВА.

*) Юнгвальд-Хилькевич Э. И. — народный артист Узбекской ССР, профессор.